

И.А. Истомина, А.В. Левченко*

МЕНЯЮЩАЯСЯ РОЛЬ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ АЛЬЯНСОВ ПОСЛЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ**

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» 119454, Москва, пр-т Вернадского, 76

После окончания холодной войны в академической и экспертной среде развернулась широкая дискуссия относительно целесообразности сохранения военно-политических альянсов ввиду снижения интенсивности вооруженных конфликтов и минимизации вероятности возникновения крупных межгосударственных войн. Эти рассуждения, однако, столкнулись с новой постбиполярной международной реальностью, в которой стали активно формироваться новые союзы и коалиции, а старые объединения были подвергнуты реформированию и/или расширили членский состав. На практике государства не только продолжили рассматривать союзничество как важный инструмент внешней политики, но и стали активно разрабатывать новые формы союзов и коалиций. В этой связи цель настоящей статьи — выявление и оценка тенденций эволюции союзничества в период 1990–2010-х годов. Во-первых, авторы обращают особое внимание на снижение интереса ведущих держав к формализации союзнических отношений, которая всё больше воспринимается ими как излишнее обременение при стабильной конвергенции интересов. При этом исследователи отмечают, что ведущие державы в постбиполярный период придерживались разных подходов к союзничеству и коалиционному строительству: в то время как США укрепили трансатлантическое ядро (НАТО) в американоцентричной сети альянсов, опираясь при этом на более гибкие

* *Истомин Игорь Александрович* — кандидат политических наук, и.о. заведующего кафедрой прикладного анализа международных проблем МГИМО МИД России (e-mail: iaistomin@gmail.com; ORCID: 0000-0002-8334-6343); *Левченко Алла Вадимовна* — соискатель ученой степени кандидата политических наук, МГИМО МИД России (e-mail: levchenko.a.v@my.mgimo.ru; ORCID: 0009-0003-1316-3319).

** Материал подготовлен за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-78-20170).

малосторонние форматы в других регионах мира, Россия, Индия и Китай в целом не стремились к расширению союзничества, а гарантии коллективной безопасности предоставляли избирательно. Вместе с тем указанные игроки, по мнению авторов, были едины в использовании асимметричных союзов в качестве не только инструментов сдерживания потенциальных противников, но и механизмов контроля над младшими партнерами в условиях борьбы за сферы влияния. Во-вторых, магистральной тенденцией в развитии союзничества является так называемое ритуальное союзничество, когда военно-политические обязательства включаются в повестку дня региональных интеграционных группировок скорее как дополнение к субстантивным вопросам сотрудничества. Наконец, в 1990–2010-х годах расширился спектр практических форматов союзничества: от традиционных приоритетов поддержания территориальной обороны фокус сместился в сторону проведения экспедиционных операций в составе коалиций, которые помимо собственно государств-партнеров включают и негосударственные патронажные сети. В заключение авторы отмечают, что крупные державы продолжают полагаться на комбинированные формы союзничества, при этом всё большее стратегическое значение будет приобретать борьба за лояльность последователей на фоне усиливающегося межгосударственного соперничества.

Ключевые слова: альянсы, военно-политические союзы, коалиция, асимметричные союзы, союзничество, межгосударственное соперничество, постбиполярный период, НАТО

Для цитирования: Истомин И.А., Левченко А.В. Меняющаяся роль военно-политических альянсов после холодной войны // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2024. Т. 16. № 1. С. 51–92. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-1-51-92.

Igor A. Istomin, Alla V. Levchenko

CHANGING ROLE OF SECURITY ALLIANCES IN THE POST-COLD WAR ERA

*Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454*

In the aftermath of the Cold War, both scholars and experts frequently questioned the political relevance of security alliances, given the declining

intensity of armed conflicts and the decreasing probability of major interstate wars. However, the post-bipolar international reality marked by the burgeoning of new alliances and coalitions, with old associations being reformed and/or expanded in membership rendered these questions obsolete. In fact, states not only continue to consider military alliance as an important foreign policy tool but actively develop new forms of alliances and coalitions. The article identifies the key trends in the evolution of military and political alliances over the period from the 1990s till the 2010s. Firstly, the authors highlight the waning interest of the leading powers towards formalized allied relations, since they increasingly perceive the latter as an unnecessary burden. At the same time, the researchers note that the leading powers adhered to different approaches to alliance and coalition building in the post-bipolar period. While the United States strengthened the transatlantic core (NATO) in the U.S.-centered network of alliances, relying on more flexible plurilateral formats in other regions of the world, Russia, India, and China did not seek to expand their respective blocs, providing collective security guarantees selectively. That said, all major powers share interest in promoting and developing asymmetric alliances both as tools to deter potential opponents and leverages over junior partners amidst the struggle for spheres of influence. Secondly, the authors conclude that the key feature of the post-Cold War coalition-building is the so-called ritual alliance, when military and political commitments are included in the agenda of regional integration groupings as an addition to substantive issues of cooperation rather than the reverse. Finally, in the 1990s and 2010s, the range of formats of an alliance expanded: from the traditional priorities of territorial defense, the focus has shifted towards expeditionary operations as a part of coalitions, the latter including not only sovereign states but also non-state patronage networks. In conclusion, the authors note that the major powers will continue to promote combined forms of alliances, as the loyalty of partners becomes of increasing strategic importance against the background of growing interstate rivalry.

Keywords: alliances, military-political alliances, coalition, asymmetric alliances, coalition-building, interstate rivalry, post-bipolar period, NATO

About the authors: *Igor A. Istomin* — PhD (Political Science), Acting Chair, Department of Applied International Political Analysis, MGIMO University (e-mail: iaistomin@gmail.com; ORCID: 0000-0002-8334-6343); *Alla V. Levchenko* — PhD Candidate, MGIMO University (e-mail: levchenko.a.v@my.mgimo.ru; ORCID: 0009-0003-1316-3319).

Acknowledgements: The research has been accomplished with a financial support from the Russian Science Foundation, project No 17-78-20170.

For citation: Istomin I.A., Levchenko A.V. 2024. Changing role of security alliances in the post-Cold War era. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 16, no. 1, pp. 51–92. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-1-51-92. (In Russ.)

Военно-политические альянсы выступали неотъемлемым элементом международных отношений на протяжении истории. Тем не менее после распада биполярной системы их значимость была поставлена под сомнение. Широкое распространение приобрели утверждения об устаревании межгосударственных войн и общем уменьшении уровня организованного насилия в мире [Mueller, 1989; Pinker, 2011]. Следовательно, снижение рисков вооруженной борьбы должно было привести к исчезновению запроса на союзничество, которое традиционно рассматривалось в качестве инструмента аккумуляции потенциалов для балансирования более мощных противников [Waltz, 1979].

Неудивительно, что рубеж 1980–1990-х годов был отмечен исчезновением одних военно-политических объединений (таких как Организация Варшавского договора) и дискуссиями относительно возможности расформирования других (Североатлантический альянс). Тем не менее эта тенденция не получила развития впоследствии. Наоборот, после окончания холодной войны наблюдалось появление новых альянсов (например, Организация Договора о коллективной безопасности), расширение ранее созданных (НАТО), а также придание военно-политических функций объединениям, прежде ориентированным на другие сферы сотрудничества (Европейский союз). Такая динамика объяснялась приспособлением альянсов к изменявшимся условиям, переосмыслением их функций, распространением смежных форматов межгосударственного взаимодействия.

Цель настоящей статьи состоит в определении тенденций эволюции союзничества в период 1990–2010-х годов. Начало 2020-х годов характеризуется резким возрастанием рисков возобновления крупных войн между ведущими мировыми державами в контексте усиления военно-политической и экономической конкуренции. При этом изменение повестки глобальной безопасности отражает структурные сдвиги в международной системе. В этой связи появляется возможность подвести итоги преобразо-

вания союзничества в рамках завершившегося 30-летнего этапа и оценить значение сформировавшихся форматов и подходов в новых условиях.

В российской и зарубежной научной литературе изучению военно-политических альянсов уделяется растущее внимание [Истомин и др., 2018; Сучков, Ходынская-Голенищева, 2021; Ghez, 2011; Ironclad..., 2019; Karlsrud, Reykers, 2020], при этом до сих пор не было предпринято заметных попыток представить систематизированный обзор новых типов и форм союзнических отношений, ставших неотъемлемыми элементами международной практики после холодной войны. Тем не менее в 2021 г. в МГИМО была издана монография «Стратегии союзничества в современном мире: военно-дипломатический инструментарий международно-политической конкуренции» [Стратегии союзничества в современном мире..., 2021], в которой дана характеристика различных вариантов сотрудничества в военно-политической сфере, в том числе в условиях современных международных отношений. Среди иностранных публикаций выделяются работы Т. Уилкинса [Wilkins, 2008, 2011, 2012, 2015], который провел концептуально-таксономический анализ понятия «альянс», соотнеся его с другими формами военно-политического сотрудничества и проиллюстрировав конкретными историческими примерами.

В настоящей статье рассмотрены традиционные и новые формы военно-политического союзничества, а также их роль и значение в качестве инструментов проведения внешней политики государств. Соответственно за пределами исследования оказываются практики экономической интеграции, технологических альянсов, секторальных партнерств или иных форм сотрудничества, не имеющих отношения к совместной вооруженной борьбе. Вне рамок настоящей работы находятся также организации коллективной безопасности и различные инструменты управления межгосударственным соперничеством (такие как контроль над вооружениями или меры доверия).

Ввиду неоднозначности категории союзничества анализ трендов предваряется прояснением терминологических нюансов, связанных с определением различных типов объединений государств как «альянсов» или «коалиций». Далее рассмотрены причины, обусловившие снижение интереса к формальному закреплению обязательств между ведущими державами, а также

проанализирован обширный опыт асимметричного союзничества после холодной войны. Наибольшее внимание уделено практикам функционирования американоцентричных альянсов, так как США на протяжении долгого времени удерживали доминирующее положение на «рынке» союзничества. Вместе с тем рассмотрены также примеры закрепления военно-политических обязательств в рамках региональных объединений. После этого представлен опыт коалиционного взаимодействия в рамках вооруженных конфликтов в 1990–2010-х годах. В заключение авторы подводят итоги проведенного анализа.

Формы союзничества в международной политике

Феномен военно-политического союзничества в исследованиях международной безопасности имеет две субстантивно различающиеся трактовки. Первая концентрируется на *юридически закрепленных обязательствах* оказания поддержки в случае вооруженного конфликта. В рамках второй приоритетное внимание уделяется *реальным практикам кооперативного взаимодействия* государств (включающим дипломатическую поддержку и материальную помощь) по значимым для них вопросам международной безопасности [Wilkins, 2012].

Терминологически объединения, соответствующие формально-юридическому пониманию союзничества, как правило, обозначаются как *альянсы*. В свою очередь случаи неоформленного договорами о взаимных гарантиях безопасности, но в действительности осуществляемого военно-политического сотрудничества в русскоязычных публикациях характеризуются как *коалиции*. При этом на практике в международных отношениях нередко наблюдаются экстравагантные соотношения формально закрепленных статусов и ситуативно возникающих группировок государств.

Например, в 2003 г. Германия и Франция, выступив против политики Вашингтона в отношении Ирака, вошли в политическую коалицию с Москвой. В то же время обе западноевропейские страны оставались союзниками Соединенных Штатов по Североатлантическому альянсу. Между тем Россия оппонировала разворачивавшейся параллельно политике расширения НАТО. Таким образом, в отдельных случаях практическая кооперация

может выстраиваться вопреки формальным обязательствам или по крайней мере без их учета¹.

Подобные формы волонтаризма в выстраивании кооперативных связей без привязки к договорным форматам могут быть следствием ослабления напряженности в международной политике, когда риски вооруженных конфликтов между государствами снижаются. Неудивительно, что после холодной войны распространение таких форм сотрудничества не приводило к эвентуальному подрыву юридически закрепленных альянсов. В период биполярности также накапливались политические противоречия между союзниками (например, между Францией и западными странами или Советским Союзом и Китаем), но они всё же приводили к последующему разрыву формализованных обязательств.

Зачастую договоренности, не имеющие юридического закрепления, представляются менее надежными по сравнению с «полноценными альянсами». Между тем коалиционные связи, воплощая совпадение интересов государств, могут сохраняться неопределенно долго — до тех пор, пока предпочтения их участников остаются неизменными. Более того, если конвергенция предпочтений очевидна и стабильна, то юридическое закрепление обязательств оказывается излишним (равно как и в обыденной жизни отношения между близкими друзьями не нуждаются в контрактном оформлении).

На практике международная обстановка в большинстве случаев характеризуется динамичными изменениями, а относительно намерений контрагентов почти всегда присутствует неустранимая неопределенность (асимметрия доступа к информации [Fearon, 1995]). В результате большинство коалиций оказываются кратковременными и ситуативными [Rice, 1997]. Зачастую сам по себе успех объединения становится прологом его распада. Достигнув общей цели, государства лишаются причин для дальнейшей кооперации и нередко превращаются в противников. Пример тому дает антигитлеровская коалиция, возникшая в ходе Второй мировой войны, но сменившаяся жестким противостоянием между СССР и западными союзниками.

¹ В этой связи в политической риторике порой используется выражение «союзник, но не соратник» (*allied, but not aligned*), к которому, в частности, прибегают французские дипломаты и руководители.

Противоположной крайностью являются утверждения, что альянсы, основанные на письменных договоренностях, стоят не дороже той бумаги, на которой они записаны [Carr, 1939; Morgenthau, 1948]. В таких заявлениях не учитывается, что в условиях недостатка информации касательно реальных намерений государств на международной арене формализация союзничества (заключение договора) выступает сигналом как друг другу, так и потенциальным противникам о готовности прийти на помощь в оговоренных случаях [Smith, 1995]. Основным залогом верности данным обязательствам становится международно-политическая репутация: государства, систематически нарушающие союзные договоренности, сталкиваются с растущими трудностями и издержками при необходимости формирования новых альянсов и коалиций [Gibler, 2008; Crescenzi et al., 2012; Snyder, Diesing, 2015].

Исторический опыт свидетельствует, что государства в большинстве случаев выполняют требования заключаемых договоров (в серии исследований, опиравшейся на базу данных АТОР — Alliance Treaty Obligations and Provisions, авторы пришли к выводу, что участники альянсов оказываются верны принятым на себя обязательствам в трех случаях из четырех [Leeds et al., 2000; Leeds et al., 2002; Leeds, 2003]). В то же время зачастую государства стараются обставлять свою помощь большим числом условий и оговорок еще на стадии установления союзничества — тем самым они минимизируют вероятность наступления обстоятельств, требующих от них вмешательства на стороне партнеров². В этой связи при оценке надежности союзнических отношений сложно давать обобщенные выводы только на основе их отнесения к категории альянсов — необходимо учитывать специфические положения конкретных документов.

В частности, в рамках 5-й статьи Вашингтонского договора каждая страна — участница НАТО обязалась в случае нападения на одного из членов альянса оказать помощь «путем немедленного осуществления такого индивидуального или *совместного действия*, которое сочтет необходимым, включая применение вооруженной силы с целью восстановления и последующего сохранения безопас-

²Для обозначения ситуации, требующей активизации союзных обязательств, используется латинское выражение *casus foederis*.

ности Североатлантического региона»³. Бывший госсекретарь США Д. Ачесон в своих мемуарах подробно описывал сопутствующие заключению договора сложности, связанные с противодействием американских сенаторов вероятности «автоматического вовлечения» в военные конфликты за сторонние интересы [Acheson, 1987]. Склонность к использованию расплывчатых формулировок достаточно типична для «творцов» договоров о военно-политических альянсах, поскольку они допускают широкое пространство для интерпретаций. Положения договоров обычно проясняются и пересматриваются в ходе конкретного опыта взаимодействия участников.

Многообразие различных форм и условий, которыми оговаривается сотрудничество, делает международные альянсы весьма гибким инструментом внешней политики государств. Вместе с тем юридическое закрепление ограниченных обязательств может порождать у их политического руководства ожидания от контрагентов лояльности по более широкому кругу вопросов, в том числе выходящих за рамки подписанных договоров [Snyder, 2007]. Подобные ожидания особенно характерны для крупных государств, находящихся в союзе с более слабыми участниками, которые фактически обменивают часть своей автономии в принятии внешнеполитических решений на гарантии безопасности [Morrow, 1991]. Показательным проявлением таких представлений стал запрос Вашингтона к союзникам по НАТО на оказание содействия в его интервенционистских операциях 1990–2000-х годов. Критика со стороны ряда западных стран американского вторжения в Ирак обостренно воспринималась США как проявление дефицита преданности⁴. Аналогично уклончивая позиция Германии в отношении интервенции в Ливии вызвала недовольство ее союзников. В обоих случаях речь шла об операциях,

³ Североатлантический договор: Вашингтон, Федеральный округ Колумбия, 4 апреля 1949 г. // Организация Североатлантического договора. 20.10.2023. Доступ: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_17120.htm (дата обращения: 05.03.2024).

⁴ Широкоу известность получила формула, приписываемая советнику по национальной безопасности США Кондолизе Райс: «Францию наказать, Германию игнорировать, Россию простить». См.: Hoagland J. Three miscreants // The Washington Post. 12.04.2003. Available at: <https://www.washingtonpost.com/archive/opinions/2003/04/13/three-miscreants/5b846b52-9935-4bb5-86c4-c71589ad994a/> (accessed: 25.04.2024). Показательно, что позиция Москвы, не входившей в НАТО, воспринималась наименее болезненно.

не подпадавших под категорию коллективной обороны. Таким образом, на практике даже в формализованном союзничестве может сохраняться значительная дистанция между буквой подписанных документов и реально осуществляемой деятельностью. Важной особенностью при этом является то, что приверженность более сильного игрока обеспечению защиты младших союзников, как правило, официально закреплена в документах, а по известным нормативно-правовым основаниям обещание политической верности младших партнеров не может стать формальным обязательством [Истомин, Байков, 2019]. В этом смысле ведущие державы полагаются на «благоразумие» зависимых союзников в проведении дружественной внешней политики.

Традиционно ключевым положением, отличающим союзнические отношения от других форм международного сотрудничества государств, выступало обязательство предоставления помощи (в первую очередь военной) в условиях вооруженного конфликта [Liska, 1962; Osgood, 1968; Snyder, 2007]. Вместе с тем на практике данное положение сосуществует с множеством форм военно-политической кооперации, размывающих традиционные типологии. В том числе государства сотрудничают в обучении военных, создании и закупках вооружений и военной техники, реформировании вооруженных сил, обеспечении слаженности и совместимости войск в различных типах операций.

Не всегда этим формам кооперации сопутствуют твердые обязательства оказания помощи в случае конфликта. Они получили широкое распространение после холодной войны как способ закрепления внешнеполитической ориентации государств, который позволял исключить вероятность нежелательного втягивания собственных вооруженных сил в чужие противостояния. В частности, Соединенные Штаты с 1989 г. стали присваивать отдельным странам статус «основного союзника вне НАТО»⁵. Его наличие открывает приоритетным американским партнерам более широкие возможности для развития военно-технического сотрудничества с США. В то же время связанные с этим статусом привилегии не

⁵ На 2022 г. таким статусом обладали 18 государств: Австралия, Аргентина, Бахрейн, Бразилия, Египет, Израиль, Иордания, Катар, Колумбия, Кувейт, Марокко, Новая Зеландия, Пакистан, Республика Корея, Таиланд, Тунис, Филиппины, Япония. См.: Major non-NATO ally status / U.S. Department of State. 20.01.2021. Available at: <https://www.state.gov/major-non-nato-ally-status/#footnote> (accessed: 01.03.2024).

соответствуют устоявшемуся представлению об альянсах, так как не гарантируют американскую защиту в случае вооруженного нападения.

Несмотря на столь расширительное использование риторики союзничества, оно по большей части продолжает ассоциироваться с исключительно высоким уровнем обязательств. Во многих случаях государства предпочитают прибегать к более размытым категориям для характеристики сотрудничества с контрагентами (таким как «стратегическое партнерство» или «специальные отношения»), избегая употребления столь обязывающей категории, как альянс. Показательно, что, несмотря на увеличение западных поставок вооружений и расширение других форм военного содействия Киеву, глубокое взаимодействие американской и украинской разведок после 2014 г., Украина не получила статуса «основного союзника вне НАТО».

Дополнительную сложность анализу союзнических связей добавляет наличие секретных альянсов или засекреченных положений в союзных договорах, что затрудняет оценку уровня и условий сотрудничества между государствами. В том числе стороны могут сохранять амбивалентность относительно наличия или отсутствия обязательств по взаимной помощи в случаях вооруженных конфликтов [Bas, Schub, 2016]. Использование секретных положений было характерно в прошлом для наступательных альянсов, ориентированных на территориальную экспансию, но и в настоящее время отдельные аспекты военно-политического сотрудничества могут регулироваться закрытыми документами.

В частности, низкий уровень транспарентности характерен для отношений Вашингтона с арабскими монархиями. Например, секретный характер носил текст заключенного в 1994 г. Соглашения об оборонном сотрудничестве между США и Объединенными Арабскими Эмиратами. После подписания в 2017 г. обновленного соглашения стороны раскрыли различные меры военно-политического сотрудничества, которые регулировались его положениями. В то же время сам документ так и не был опубликован⁶.

⁶ Sharp J.M. The United Arab Emirates (UAE): Issues for U.S. policy // Congressional Research Service. 13.09.2023. Available at: <https://sgp.fas.org/crs/mideast/RS21852.pdf> (accessed: 20.02.2024).

Подводя итог рассмотрению терминологических дискуссий по вопросам союзничества, следует заключить, что юридически закрепленные альянсы и неформальные коалиции представляют собой качественно различающиеся, хотя и взаимосвязанные формы военно-политической кооперации. Нельзя утверждать, что какая-то из них обладает приоритетом, отражает более высокий уровень сотрудничества или оказывается более устойчивой по сравнению с другой формой. По своей природе они сущностно различаются.

Заключение *альянсов* выступает в первую очередь инструментом внешнеполитического сигнализирования, но после создания они способны порождать у участников набор новых ожиданий и интересов, воздействующих на их дальнейшее поведение (прежде всего, поддержание союзнических отношений может приобретать самостоятельную ценность, переставая играть чисто инструментальную роль). В свою очередь *военно-политические коалиции* — это механизм объединения ресурсных потенциалов государств для противодействия общему противнику или для достижения совместимых целей. Формирование коалиций предполагает определение конкретной проблемы, требующей кооперации государств для ее решения без обязательств долгосрочного сотрудничества [Pierre, 2002]. Такие формы союзничества в меньшей степени влияют на национальные идентичности и интересы, чем альянсы. Несмотря на то что нередко примеры использования инфраструктуры и возможностей альянса для формирования коалиции, подготовка и проведение боевых действий этими объединениями могут существенно различаться. Так, в рамках альянсов требуется достижение политической сплоченности и согласия между союзниками для осуществления эффективного военного планирования, в то время как в коалиции достаточно добиться оперативной совместимости сил участников [Weitsman, 2010].

Общей характеристикой и альянсов, и коалиций остается их нацеленность на противодействие внешней угрозе. В этом они отличаются от сообществ безопасности, в которых акцент делается на поддержание мира между непосредственными участниками формируемого объединения [Walt, 1990, 1997]. Альянсы и коалиции создаются в первую очередь против кого-то (или чего-то), а общая позитивная повестка выступает уже в качестве дополнения к негативной.

Соотношение равновесных и асимметричных альянсов

Особенностью международных отношений со второй половины XX столетия выступало фактическое отсутствие равновесных альянсов между крупными державами. Такое положение установилось еще в период холодной войны и сохранилось после ее окончания. Между тем оно не было типичным на протяжении истории: в XVII–XIX вв. альянсы между крупными европейскими государствами являлись распространенной практикой. Перед Первой мировой войной образовалась сложная система формализованных обязательств, охватывавшая в том числе и внерегиональных игроков, в первую очередь Японию.

Возможным объяснением снижения стремления крупных держав к заключению альянсов друг с другом стало появление в середине XX в. ядерного оружия. Его наличие дает возможность нанести неприемлемый ущерб потенциальному агрессору, а значит, снижает потребность во внешней помощи в случае вооруженного конфликта. В этом отношении для ведущих ядерных государств интерес к формализации союзничества в целях коллективной обороны снизился.

В этой связи, например, сближение России и Китая со второй половины 1990-х годов привело к формированию устойчивой коалиции, отстаивающей схожие позиции по широкому кругу вопросов международной повестки. Уже на ранних этапах кооперации Москва и Пекин пошли на демилитаризацию общей границы, впоследствии наметилось укрепление военно-технического сотрудничества, в том числе по вопросам стратегического сдерживания. Стороны регулярно проводят совместные учения различного масштаба. Они также подписали соглашение о взаимодействии в киберпространстве, которое превращается в еще одну область силового противоборства⁷.

Тем не менее углубление российско-китайской кооперации не приводит к оформлению альянса в традиционном понимании. Стороны избегают юридического закрепления обязательств, которые повысили бы вероятность нежелательного вовлечения в конфликтные ситуации [Киреева, 2019]. Более того, Россия и Китай также не

⁷ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности // Официальный интернет-портал правовой информации. 08.05.2015. Доступ: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201608100001?rangeSize=1> (дата обращения: 25.02.2024).

пошли на превращение в военно-политический альянс Шанхайской организации сотрудничества, хотя она изначально создавалась как инструмент кооперации в сфере безопасности. Тем не менее стороны нарочито подчеркивают, что их отношения «не являются военно-политическим союзом», а «превосходят такую форму межгосударственного взаимодействия»⁸.

Ряд наблюдателей связывают такое положение со стратегической культурой КНР, которая не приемлет формализации обязательств [Ruonan, Feng, 2017]. Вместе с тем опыт последних десятилетий свидетельствует о высокой адаптивности и прагматичности китайской политики. Скорее отказ от заключения альянса, основанного на взаимной военной помощи, объясняется его нерелевантностью для обеих держав, которые и в период сравнительной слабости в 1990-х годах, и на фоне роста международной конкуренции в 2010-х исходили из способности обеспечить сдерживание за счет угрозы неприемлемого ущерба в отношении возможного противника.

Напротив, Германия и Япония, которые ввиду своего экономического, технологического и военного потенциала могли бы с наибольшими основаниями претендовать на равноправное взаимодействие с Соединенными Штатами, по совокупности политических и юридических причин ограничены в развитии своих вооруженных сил и не обладают ядерным оружием. В результате их отношения с Вашингтоном определяются системой формальных обязательств, которые закрепляют подчиненное положение Берлина и Токио. В случае Японии асимметричный характер альянса имеет договорное выражение: соглашение 1960 г. не требует от нее оказывать помощь Соединенным Штатам в случае нападения на их территорию, но обязывает размещать американские войска на своей [Christensen, 1999].

Последний пример отражает более широкую практику использования военно-политических альянсов как одного из инструментов закрепления неравноправных отношений между государствами и кодификации сфер влияния крупных игроков [Womack, 2016]. Для последних они выступают не столько как инструменты сдерживания потенциальных противников, сколько как механизмы контроля

⁸ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху // Президент России. 21.03.2023. Доступ: <http://www.kremlin.ru/supplement/5920> (дата обращения: 25.02.2024).

над младшими союзниками. В частности, такие альянсы снижают вероятность появления у последних независимых ядерных арсеналов. В этом отношении показательны примеры не только Германии и Японии, которые так и остаются неядерными государствами, но и Великобритании, создавшей собственную бомбу, но поставившей ее под фактический контроль Соединенных Штатов.

В более широком смысле альянсы могут использоваться для ограничения связей младших союзников с потенциальными противниками, предотвращения присутствия на их территории контингентов недружественных держав и для создания дополнительных оснований для размещения собственных войск. Именно такую роль Вашингтон изначально отводил Организации Североатлантического договора. В ряде случаев альянсы используются для сдерживания союзников от проведения слишком авантюрной политики. Показательно, что на основе соглашения между США и Республикой Корея южнокорейская армия была поставлена под контроль американских военных [Cha, 2016]. Такое условие было связано с опасениями Вашингтона относительно ревизионистских устремлений Сеула, готового возобновить вооруженную борьбу за присоединение севера.

Асимметричное союзничество как инструмент американского доминирования

В период после окончания холодной войны США располагали наиболее широкой сетью союзников, отношения с которыми формализованы на основании двух многосторонних и ряда двусторонних договоров [Beckley, 2015]. Вашингтон удерживал такое положение на протяжении последующих трех десятилетий. Если говорить только о юридически закрепленных и публично декларируемых обязательствах о взаимной военной помощи, то Соединенные Штаты находятся в альянсе с 55 государствами — членами ООН, а также предоставляют гарантии безопасности Тайваню на основе национального законодательства. При этом более половины американских союзников приходится на евро-атлантический блок НАТО. В организацию, созданную в 1949 г., на март 2024 г. входили 32 страны.

Особенностью Североатлантического альянса выступает высокий уровень институционализации: наряду с постоянно действующей переговорной площадкой на уровне дипломатических представителей государств — членом организации располагает обширным

секретариатом и разветвленной военно-штабной структурой⁹. Кроме того, НАТО имеет даже собственные небольшие военно-воздушные силы, поддерживая две эскадрильи самолетов электронной разведки AWACS. Первоначальные импульсы развитию общих структур альянса придали, с одной стороны, фронтальный характер противостояния в Европе в годы холодной войны и отставание в конвенциональных силах от Советского Союза, с другой — опасения относительно возрождения германского милитаризма, которые побуждали к усилению международного контроля над вооруженными силами ФРГ¹⁰.

В период после распада биполярного порядка институциональная структура НАТО претерпела несколько раундов реформирования, но в своей основе сохранилась. Более того, она использовалась в качестве одного из аргументов сторонниками сохранения альянса после исчезновения основного потенциального противника блока в 1991 г.: общие структуры координации позиционировались как актив для поддержания трансатлантического сотрудничества в условиях высокой непредсказуемости и волатильности международной среды.

После окончания холодной войны блок также приобрел еще один механизм, отличавший его от других многосторонних союзов: в 1990-х годах появился институт партнерства с НАТО, позволивший привлечь к сотрудничеству с альянсом широкий круг стран без распространения на них обязательств по коллективной обороне. Если в рамках первоначальной программы «Партнерство ради мира» предполагалось участие только европейских государств, то впоследствии были созданы дополнительные инструменты, распространившие статус партнеров на страны Ближнего и Среднего Востока, а также Азиатско-Тихоокеанского региона. Институт партнерства

⁹ Особенностью положения Франции с 1966 по 2009 г. выступало то, что, будучи полноценным членом НАТО, она не участвовала в работе штабных органов. Вместе с тем подобное неучастие в значительной степени было политическим символом, так как на практике военное сотрудничество с другими странами — членами альянса оставалось весьма интенсивным, хотя и регулировалось отдельными двусторонними документами.

¹⁰ В этой связи первому генеральному секретарю НАТО лорду Г. Исмэю приписывается формула, что альянс создавался для того, чтобы удерживать «американцев в Европе, русских вне Европы, а немцев под контролем» (*Americans — in, Russians — out, Germans — down*).

позволил НАТО оказывать воздействие на военное строительство в странах-контрагентах и привлекать их к проводимым альянсом операциям. В конечном счете он выступал одним из механизмов закрепления внешнеполитической ориентации широкого круга государств на США. Для наиболее активных сторонников в Европе такой институт стал промежуточным этапом на пути вступления в НАТО.

При этом произошла существенная дифференциация по уровню реальной кооперации государств, аффилированных с альянсом. В результате ряд стран (например, Грузия, а также Финляндия, Швеция до вступления последних двух в НАТО) были настолько глубоко интегрированы в различные аспекты деятельности блока, что мало отличались по своему реальному положению от его членов, за исключением распространения на них юридических гарантий по коллективной обороне. В этих условиях в рамках НАТО нередко разворачиваются дискуссии относительно уровня неформальных, но политически чувствительных обязательств в отношении партнеров, не являющихся членами блока [Cottey, 2018].

Другой многосторонний военно-политический альянс, созданный при участии США, оперирует в Западном полушарии. Межамериканский договор о взаимной помощи, также известный как Пакт Рио, был подписан еще до создания НАТО — в 1947 г. В него наряду с Соединенными Штатами вошли все независимые на тот момент страны Латинской Америки. На протяжении холодной войны Вашингтон активно использовал Пакт Рио и Организацию американских государств для противодействия просоветским силам в регионе. Тем не менее ввиду отсутствия сопоставимой с европейским театром угрозы прямого вооруженного столкновения с Советским Союзом многостороннее военно-политическое сотрудничество в Латинской Америке не получило столь же высокого уровня институционализации, как в Европе. В большей степени оно протекало в формате двусторонних связей США с отдельными региональными партнерами.

В XXI в. в условиях роста оппозиции Вашингтону в Латинской Америке со стороны стран левой ориентации несколько государств вышли из Пакта Рио. Первой по этому пути пошла Мексика в 2004 г., а в 2012–2014 гг. состоялся коллективный выход представителей Боливарианской альтернативы для Америк (Боливии, Венесуэлы,

Кубы, Никарагуа, Эквадора). Во второй половине 2010-х годов политический климат в регионе начал меняться, и в ряде стран к власти пришли правительства, более лояльные к Соединенным Штатам. Тем не менее в сентябре 2019 г. о выходе из Пакта Рио заявил Уругвай, выступивший против санкционного давления на Венесуэлу, в которой начались прямые столкновения между правительством Николаса Мадуро и оппозицией, поддержанной США¹¹. Таким образом, после окончания холодной войны выход из Пакта Рио стал значимым инструментом демонстрации фронды ряда латиноамериканских государств в отношении Вашингтона.

Имевшие место в период биполярности американские попытки формирования аналогичных НАТО и Пакту Рио многосторонних альянсов в других регионах (Багдадский пакт — СЕНТО, Манильский пакт — СЕАТО, Тихоокеанский пакт — АНЗЮС) оказались по большей части неудачными. В результате на Ближнем Востоке Соединенные Штаты опираются на ряд неформализованных или публично не афишируемых обязательств в отношении отдельных региональных партнеров¹², а в Азии — на систему «оси и спиц». Под последней понимают комплекс двусторонних альянсов США с Австралией, Республикой Корея, Таиландом, Филиппинами и Японией. Кроме того, после того как в 1970-х годах в рамках нормализации отношений с Пекином Вашингтон отказался от дипломатического признания Тайваня, американский Конгресс принял специальный закон, гарантирующий последнему американскую защиту. Наконец, такие малые островные государства, как Маршалловы Острова,

¹¹ In support of Venezuela, Uruguay abandons the Rio Treaty // Mercopress. 25.09.2019. Available at: <https://en.mercopress.com/2019/09/25/in-support-of-venezuela-uruguay-abandons-the-rio-treaty> (accessed: 10.02.2024). 27 сентября 2019 г. Уругвай направил в организацию уведомление о денонсации Межамериканского договора о взаимной помощи, а 10 марта 2020 г. информировал об отказе от денонсации. См.: Inter-American Treaty of Reciprocal Assistance (Rio Treaty) // Organization of American States. Available at: <https://www.oas.org/juridico/english/Sigs/b-29.html> (accessed: 01.03.2024).

¹² Наиболее показательным случаем в этом отношении выступает американо-израильское взаимодействие. Судя по политическим заявлениям и реальной практике, оно носит исключительно тесный характер. В сфере военно-технического сотрудничества Тель-Авив пользуется привилегиями даже большими, чем большинство союзников Вашингтона. Американские представители не раз заявляли о готовности защищать Израиль. При этом такие гарантии не оформлены юридически. Отношения США и Израиля могут представлять собой пример исключительно устойчивой коалиции, которой не требуется договорное закрепление.

Республика Палау и Федеративные Штаты Микронезии, подписали договоры о свободной ассоциации с США, на основании которых передали Вашингтону компетенции в сфере обеспечения собственной безопасности и обороны.

После окончания холодной войны американские союзы в Азии подвергались большим рискам распада в сравнении с другими регионами, в том числе в 1990-х годах усилилась критика военно-политического сотрудничества с США в Японии. Тем не менее развитие ракетной и ядерной программ в Северной Корее и подъем Китая сформировали новое обоснование сохранения альянсов ряда азиатских государств с Вашингтоном. В последующие десятилетия в регионе развернулся интенсивный процесс становления новых эксклюзивных форматов военно-политического сотрудничества, инициированных США.

В результате на протяжении 2000-х и 2010-х годов наблюдалась эрозия системы «оси и спиц», связанная с размыванием статусной дифференциации партнеров Вашингтона. В частности, фактически в чистую формальность превратился американо-тайландский альянс. С 2014 г., после переворота в Бангкоке, США перестали оказывать военно-финансовую помощь своему союзнику. В то же время в рамках стратегии «Открытого и свободного Индо-Тихоокеанского региона» Вашингтон отнес к числу своих ключевых контрагентов в Азии Австралию, Японию и Индию¹³. Тем самым США подчеркнули приоритетность отношений с Дели, поставив их на один уровень с двумя крупнейшими союзниками, но выше всех остальных стран.

Наиболее значимыми проявлениями переосмысления системы «оси и спиц» стали гораздо более лояльное по сравнению с периодом холодной войны отношение Вашингтона к развитию горизонтальных связей между его союзниками по альянсам, а также выстраивание гибкой геометрии трехсторонних и четырехсторонних форматов. Прежний примат двусторонних альянсов отражал стремление США максимизировать контроль над младшими союзниками, хотя такая архитектура связей и порождала большие транзакционные издержки. С 2000-х годов на фоне подъема Китая Соединенные Штаты в большей степени заинтересованы в получе-

¹³ Fact sheet: Indo-Pacific Strategy of the United States // The White House. 11.02.2022. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/02/11/fact-sheet-indo-pacific-strategy-of-the-united-states/> (accessed: 15.04.2024).

нии мультипликативных эффектов от сотрудничества региональных игроков, которые, как и Вашингтон, нацелены на сдерживание внешнеполитических амбиций Пекина. Этим и обусловлен переход к малосторонним форматам дипломатической координации и военно-политического взаимодействия (примерами таковых выступают AUKUS¹⁴, Четырехсторонний диалог по безопасности¹⁵, треугольник США — Республика Корея — Япония, четырехстороннее объединение Австралии — США — Филиппин — Японии)¹⁶.

Таким образом, на протяжении 1990–2010-х годов наблюдались разнонаправленные тенденции в развитии американоцентричной сети альянсов: в то время как в Европе США активно лоббировали расширение НАТО, в Латинской Америке сокращалось членство Пакта Рио, а в Азии создавались малосторонние объединения без расширения юридически закрепленных обязательств взаимной военной помощи. При этом Вашингтон достаточно спокойно реагировал даже на разрыв союзнических обязательств, если это происходило за пределами трансатлантического сообщества. Эта разнонаправленная динамика подтверждает привилегированное положение НАТО в системе союзнических отношений, поддерживаемых США.

Союзнические обязательства России, Китая, Индии

В отличие от Соединенных Штатов, другие крупные державы были гораздо более избирательны в принятии формализованных обязательств в военно-политической сфере на протяжении 1990–2010-х годов. В том числе они избегали закрепления обязывающих положений даже при оказании практической военной помощи государствам-партнерам.

¹⁴ AUKUS — объединение Австралии, Великобритании и США, охватывающее ряд областей военно-политического и военно-технического сотрудничества. Компонентом, вызвавшим наибольшие обсуждения, выступает строительство атомных подводных лодок для ВМС Австралии.

¹⁵ Quadrilateral Security Dialogue (Quad) — четырехсторонний стратегический диалог между Австралией, Индией, США и Японией по проблемам безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе.

¹⁶ В данном случае слово «малосторонний» имеет значение, аналогичное англоязычному понятию *plurilateral*, и призвано подчеркнуть отличия от инклюзивных многосторонних форматов (*multilateral*).

В годы холодной войны Советский Союз во многом повторял американский подход к союзничеству и стремился поддерживать собственную обширную сеть асимметричных альянсов. С 1990-х годов Россия ограничивает формализованные обязательства отношениями с отдельными государствами постсоветского пространства. Тем не менее в 1992 г. на базе СНГ был заключен Договор о коллективной безопасности¹⁷, в котором изначально участвовали шесть стран (Армения, Казахстан, Киргизия, Россия, Таджикистан, Узбекистан), а впоследствии присоединились еще три (Азербайджан, Белоруссия, Грузия). По месту подписания этот документ получил название «Ташкентский договор» (вступил в силу в 1994 г.). В 1999 г. соглашение было продлено, а в 2002 г. на его основе была создана Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). К тому моменту сложился костяк участников оборонного сотрудничества в лице Армении, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, России и Таджикистана. С 2006 по 2012 г. в состав ОДКБ также входил Узбекистан. Другие страны — участницы СНГ к Организации не присоединились. При том что членство в ОДКБ предполагает обязательства по коллективной обороне (на основе ст. 4 Договора), значительная часть ее работы связана с противодействием невоенным угрозам безопасности, в частности с контртеррористической и антинаркотической деятельностью, а также с реагированием на чрезвычайные ситуации [Никитина, 2009]. В 2009 г. были также созданы Коллективные силы оперативного реагирования ОДКБ.

Уникальной особенностью российского подхода к союзничеству с 1990-х годов выступало совмещение многостороннего альянса с обязательствами военной помощи по двусторонним договорам с каждым из его участников. Таким образом, они становились, по сути, дважды союзниками Москвы. Это порождало в том числе правовые коллизии. Например, в 2010 г. в ходе обострения межэтнической напряженности на юге Киргизии (в Ошской области) временное правительство страны, образованное после свержения Курманбека Бакиева, обратилось к России с просьбой о введении

¹⁷ Договор о коллективной безопасности от 15 мая 1992 года (с изменениями, внесенными Протоколом о внесении изменений от 15 мая 1992 года, подписанным 10 декабря 2010 года) // Организация Договора о коллективной безопасности. Доступ: https://odkb-csto.org/documents/documents/dogovor_o_kollektivnoy_bezopasnosti/#loaded (дата обращения: 05.05.2024).

мировотворческого контингента третьих сил. Тем не менее решение о направлении контингента было отвергнуто ОДКБ.

С 2008 г. Россия также взяла на себя обязательства по защите Абхазии и Южной Осетии на основании двусторонних договоров вне рамок ОДКБ (более того, другие государства — члены Организации не признают их суверенитет)¹⁸. Вооруженные силы этих двух признанных Москвой государств интегрированы в состав российских военных контингентов, размещенных на их территории. 21 февраля 2022 г. Россия также подписала Договоры о дружбе и сотрудничестве с Донецкой Народной Республикой и Луганской Народной Республикой, включавшие положения о взаимной военной помощи¹⁹. Таким образом, в период до 30 сентября 2022 г., когда оба государства вошли в состав Российской Федерации, они являлись ее союзниками не только на практике, но и юридически.

В то же время за пределами постсоветского пространства — на Ближнем и Среднем Востоке, в Азии и других регионах — российская политика строится на стремлении к сотрудничеству с максимальным количеством партнеров, в том числе со странами, находящимися в конфликтных отношениях друг с другом. Проведение подобного курса требует сохранения свободы рук, а значит, плохо совместимо

¹⁸ Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Абхазия, 17 сентября 2008 года (ратифицирован Федеральным законом от 24 ноября 2008 года № 211-ФЗ) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. Доступ: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/45526/ (дата обращения: 25.04.2024); Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия, 17 сентября 2008 года (ратифицирован Федеральным законом от 24 ноября 2008 года № 211-ФЗ) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. Доступ: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/45527/ (дата обращения: 25.04.2024).

¹⁹ Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Донецкой Народной Республикой от 21 февраля 2022 года (ратифицирован Федеральным законом от 22 февраля 2022 года № 15-ФЗ, вступил в силу 25 февраля 2022 года) // Официальное опубликование правовых актов. Доступ: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202202280001> (дата обращения: 25.04.2024); Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Луганской Народной Республикой от 21 февраля 2022 года (ратифицирован Федеральным законом от 22 февраля 2022 года № 16-ФЗ, вступил в силу 25 февраля 2022 года) // Официальное опубликование правовых актов. Доступ: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202202280002> (дата обращения: 25.04.2024).

с принятием формализованных обязательств по вмешательству на чьей-то стороне в случае конфликта. В этой связи Москва воздерживается от юридически обязывающих альянсов даже с государствами, которые на практике получали от нее военную помощь в разных формах (такими как Сербия и Сирия).

Две крупнейшие азиатские державы — Китай и Индия — на доктринальном уровне декларируют неприятие юридически обязывающих альянсов, связывая с ними формирование закрытых блоков, рост антагонизма и конфликтности в международной политике. Со времен холодной войны Индия выступала одним из лидеров Движения неприсоединения, которое отстаивало отказ развивающихся стран от необходимости военно-политической аффилиации с одной из сверхдержав. В свою очередь Китай с эпохи Мао Цзэдуна позиционировал себя как голос «третьего мира», выступающий против дуополии США и СССР. После завершения холодной войны подходы двух поднимающихся держав поменялись мало.

Вместе с тем и Пекин, и Дели имеют (или длительное время имели) мало афишируемые формализованные обязательства в отношении младших партнеров. Например, в рамках Договора о дружбе и взаимной помощи между КНР и КНДР 1961 г. Пекин и Пхеньян обещали оказывать поддержку друг другу в случае нападения третьей стороны²⁰. В 2021 г. этот документ был в очередной раз продлен на 20 лет²¹. В свою очередь Индия еще в 1949 г. подписала Договор о дружбе с Бутаном²². Индийское правительство интерпретировало положения этого документа как создающие обязательства по защите

²⁰ Treaty of Friendship, Co-operation and Mutual Assistance Between the People's Republic of China and the Democratic People's Republic of Korea, July 11, 1961 // Marxists Internet Archive. Available at: https://www.marxists.org/subject/china/documents/china_dprk.htm (accessed: 14.04.2024).

²¹ China-North Korea friendship treaty 'remains in effect' all the time: FM spokesperson // Global Times. 07.07.2021. Available at: <https://www.globaltimes.cn/page/202107/1228071.shtml> (accessed: 17.04.2024).

²² Treaty of Perpetual Peace and Friendship between the Government of India and the Government of Bhutan, Darjeeling, 8 August 1949 // The Ministry of External Affairs. Government of India. Available at: <https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/5242/treaty+or+perpetual+p> (accessed: 01.03.2024); Statement by official spokesperson on the signing of the India-Bhutan Friendship Treaty // The Ministry of External Affairs. Government of India. 08.02.2007. Available at: <https://www.mea.gov.in/media-briefings.htm?dtl/2881/Statement+by+Official+Spokesperson+on+the+signing+of+the+IndiaBhutan+Friendship+Treaty+February+8+2007> (accessed: 01.03.2024).

территориальной целостности партнера, хотя сам Бутан подобную трактовку отвергал. В 2007 г. было подписано новое базовое соглашение между этими странами, которое уже не содержало оснований для подобных расходящихся трактовок²³ [Nga et al., 2019]. Тем не менее в 2017 г., когда китайские военные инженеры начали строить дорогу на спорном плато Доклам, Индия ввела войска для поддержки претензий Бутана на суверенитет над этой территорией.

Таким образом, в период после окончания холодной войны большинство крупных держав за вычетом США не стремились к расширению союзнических отношений и брали на себя формализованные обязательства оказания военной помощи преимущественно соседям, да и то избирательно. Подобная разница в подходах может объясняться тем, что для Вашингтона сеть альянсов выступала в первую очередь инструментом поддержания глобального военного присутствия. Так, непосредственно после окончания холодной войны сохранение НАТО для США имело принципиальное значение прежде всего в качестве оправдания сохранения контингентов в Европе. Между тем другие крупные державы не ставили таких задач.

Тем не менее, как и Вашингтон, они рассматривали асимметричные альянсы в качестве инструмента закрепления внешнеполитической ориентации малых и средних стран [Истомин, Байков, 2019]. Нередко от последних ожидалось лишь символическое выражение лояльности и отказ от вступления во враждебные соответствующим крупным державам объединения. В случае России речь шла о предоставлении военно-политических гарантий как способе поддержать слабую, формирующуюся государственность новых стран, появившихся после распада СССР [Истомин, 2023]. Нестабильность в соседних государствах, в первую очередь Центральной Азии, грозила трансграничным перетеканием угроз (терроризм, радикализм, массовая миграция) в Российскую Федерацию. Таким образом, союзничество выступало инструментом государствостроительства.

Кроме того, преобразование Москвой многостороннего альянса в ОДКБ отражало стремление продемонстрировать способность выстраивать высоко институционализированные форматы, анало-

²³ India-Bhutan Friendship Treaty [2007] INTSer 2 // Commonwealth Legal Information Institute. Available at: <http://www.commonlii.org/in/other/treaties/INTSer/2007/2.html> (accessed: 17.04.2024).

гичные тем, которые создавались на Западе. Иными словами, речь шла о примере социальной мимикрии, направленной на обеспечение статусного признания (в первую очередь со стороны тех же западных игроков). Показательно, что Китай и Индия не проявляли аналогичных амбиций в 1990–2000-е годы, а в последующий периода стали делать ставку на другие формы демонстрации регионального лидерства, не предполагавшие военно-политических обязательств.

Военно-политический компонент региональной интеграции

Наряду с сохранением в международных отношениях двусторонних альянсов и многосторонних военно-политических объединений характерной чертой периода после окончания холодной войны стало оформление взаимных гарантий безопасности в рамках региональных интеграционных группировок. При этом, несмотря на активное развитие последних и усиление их позиций в мировой экономике, военно-политический компонент сохранял преимущественно номинальное значение. Тем не менее сама по себе эта тенденция представлялась показательной в контексте диалектических отношений между процессами глобализации и регионализации.

Во многом модельным для других группировок стал пример европейского интеграционного объединения [Громыко, 2019; Журкин, Носов, 2019]. Еще в 1970-х годах его участники наладили регулярную координацию по внешнеполитическим вопросам в рамках Европейского политического сотрудничества. В 1992 г. созданный еще в конце 1940-х годов Западноевропейский союз (ЗЕС) получил новый импульс к развитию с принятием Петербургских задач (включавших миротворчество, гуманитарные операции и кризисное урегулирование)²⁴.

Одновременно в рамках формировавшегося Европейского союза была запущена Общая внешняя политика и политика безопасности (ОВПБ), предполагавшая постепенное движение к коллективной обороне. Более того, Маастрихтский договор о создании ЕС предполагал

²⁴ Petersberg Declaration made by the WEU Council of Ministers (Bonn, 19 June 1992) // Luxembourg Centre for Contemporary and Digital History. Available at: https://www.cvce.eu/obj/petersberg_declaration_made_by_the_weu_council_of_ministers_bonn_19_june_1992-en-16938094-bb79-41ff-951c-f6c7aae8a97a.html (accessed: 03.03.2024).

интеграцию ЗЕС в создававшееся объединение²⁵. После франко-британских договоренностей, достигнутых на саммите в Сен-Мало в 1998 г.²⁶, была инициирована Европейская политика безопасности и обороны в рамках ОВПБ. Для обеспечения этого направления сотрудничества стала создаваться новая организационная структура, включавшая, например, Военный штаб ЕС и Военный комитет (состоящий из представителей военных штабов государств-членов), а также Европейское оборонное агентство.

Лиссабонский договор, вступивший в силу в 2009 г., был призван способствовать переходу к новой стадии европейской интеграции²⁷. Среди других положений в ст. 42 Договора о Европейском союзе содержалось обязательство для государств-членов оказывать взаимную помощь в случае возможной внешней агрессии. Таким образом, речь шла о коллективной обороне в рамках интеграционного объединения.

В 2000-х годах аналогичные обязательства стали принимать и участники других региональных группировок. Так, члены Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) обещали в случае нападения оказывать военную помощь друг другу на основании договора, подписанного в 2000 г. В 2005 г. государства — члены Африканского союза заключили Пакт о ненападении и коллективной обороне, содержащий схожие положения²⁸. Более того, военно-политическое сотрудничество получило развитие в субрегиональных организациях, таких как Экономическое сообщество стран Западной Африки (ЭКОВАС).

²⁵ Treaty on European Union // EUR-Lex. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:11992M/TXT> (accessed: 24.02.2024).

²⁶ Joint Declaration on European Defence. Joint Declaration issued at the British-French Summit (Saint-Malo, 4 December 1998) // Luxembourg Centre for Contemporary and Digital History. Available at: https://www.cvce.eu/content/publication/2008/3/31/f3cd16fb-fc37-4d52-936f-c8e9bc80f24f/publishable_en.pdf (accessed: 03.03.2024).

²⁷ Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community, signed at Lisbon, 13 December 2007 // EUR-Lex. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A12007L%2FTXT> (accessed: 03.03.2024).

²⁸ The African Union Non-Aggression and Common Defence Pact, January 1, 2005 // African Union. Available at: <https://au.int/en/treaties/african-union-non-aggression-and-common-defence-pact> (accessed: 05.03.2024).

На общем фоне существенно выделяется подход государств Юго-Восточной Азии. В рамках АСЕАН они особо подчеркивали, что их ассоциация не является военно-политическим блоком, даже несмотря на то что участники объединения сотрудничают по вопросам безопасности. В частности, с 2006 г. проводятся встречи министров обороны стран региона. Отказ от принятия взаимных гарантий в сфере обороны объясняется в том числе сформировавшейся переговорной культурой объединения, получившей обозначение «Путь АСЕАН», который предполагает недоверие к юридическим обязательствам и приоритизацию мягкой координации.

Приведенные примеры демонстрируют динамику, существенно отличающуюся от той, которая характеризовала межгосударственные отношения в прежние исторические периоды. Ранее нередко заключение альянса создавало предпосылки для дальнейшего развития взаимодействия по другим вопросам. В рамках современных региональных группировок обязательства в военно-политической сфере, как правило, дополняют уже имеющееся сотрудничество в иных областях. Стоит отметить, что обязательства по коллективной обороне в рамках таких объединений подчас носят лишь номинальный характер.

Так, для большинства государств — членов ЕС они лишь дублируют договоренности в рамках НАТО. Несмотря на то что со стороны отдельных столиц нередко раздаются заявления о необходимости обретения европейской стратегической автономии, они по-прежнему в значительной степени зависят от американских гарантий безопасности. Об этом свидетельствовал в том числе опыт участия европейских стран в вооруженных конфликтах в Косове, Афганистане, Ливии и Мали, которые неизменно обнаруживали отсутствие потенциала для самостоятельного проецирования существенных боевых сил даже в относительно близкие регионы. На практике военно-политическое сотрудничество в Европе способствует не столько наращиванию коллективных возможностей вовлеченных стран, сколько сокращению издержек на оборону.

В свою очередь для государств Африканского союза основные вызовы безопасности связаны с рисками внутренней дестабилизации и спорами между участниками объединения. Их коллективные усилия в военной сфере представляют собой в первую очередь

миротворческие операции и кризисное реагирование. Зачастую такая деятельность опирается на поддержку более сильных вне-региональных игроков. Аравийские монархии не только обладают весьма ограниченным потенциалом (несмотря на высокий уровень оборонных расходов), но между ними наблюдаются существенные разногласия, которые, в частности, выразились в разрыве дипломатических отношений между Катаром и его номинальными союзниками в 2017 г.

Таким образом, сложившуюся практику включения положений о коллективной обороне в учредительные документы региональных интеграционных группировок, которая получила распространение в период после окончания холодной войны, можно охарактеризовать как *ритуальное союзничество*. Оно свидетельствует об амбициях таких объединений, а также о том, что даже в период сравнительно низких угроз межгосударственной конфронтации военно-политические обязательства выступали выражением привилегированного характера отношений и взаимной дружественности.

Международные конфликты и практики коалиционной борьбы

Еще одной тенденцией периода после окончания холодной войны стало смещение фокуса уже непосредственно в функционировании формализованных и неформальных союзов с территориальной обороны на осуществление экспедиционных операций. Этот сдвиг объяснялся общим пересмотром повестки международной безопасности. На фоне сравнительного снижения вероятности вооруженного столкновения между ведущими державами в 1990-х годах большее значение в их восприятии угроз приобрели вызовы дестабилизации, переливающейся из периферийных регионов международной системы.

В наибольшей степени это проявилось в политике Соединенных Штатов, которые перенесли акцент военной активности на проецирование силы в удаленных частях мира. В результате новое значение приобрели уже упоминавшиеся расширительные представления о лояльности в формальных альянсах. От их участников стала в еще большей степени, чем ранее, ожидать поддержку в вопросах, выходящих за рамки заключенных договоров, прежде всего легитимация

политики вмешательства и мобилизация дополнительных ресурсов для ее осуществления.

Еще в 1991 г. при проведении операции «Буря в пустыне» в Кувейте союзники США покрыли почти половину финансовых затрат²⁹. Впоследствии в риторике НАТО закрепилась хлесткая формула американского сенатора Ричарда Лугара «out of area or out of business» («либо действовать за пределами зоны ответственности, либо остаться не у дел»)³⁰. Следуя ей, в 1994–1995 гг. альянс сыграл центральную роль в принуждении сербов к прекращению вооруженной борьбы в ходе боснийского конфликта. Дальнейшая переориентация НАТО с вопросов коллективной обороны на выполнение экспедиционных миссий наблюдалась в рамках бомбардировок Югославии в 1999 г., которые альянс осуществлял без мандата со стороны Совета Безопасности ООН. В том же году обновленная стратегическая концепция НАТО закрепила возможность проведения операций, не подпадающих под ст. 5 Североатлантического договора о коллективной самообороне³¹.

Вместе с тем опыт длительных бюрократических согласований в ходе конфликтов на Балканах продемонстрировал недостатки опоры на высокоинституционализированные образования при проведении экспедиционных миссий. В результате в 2000-х годах новая администрация США во главе с Дж. Бушем-мл. перешла от использования устойчивых альянсов в нехарактерной для них роли проекции силы к опоре на *ad hoc* объединения, создаваемые под конкретную миссию. Так, несмотря на то что и НАТО, и участники Пакта Рио выразили солидарность с Вашингтоном после терактов 11 сентября 2001 г., Соединенные Штаты проводили операцию против талибов и «Аль-Каиды» в Афганистане

²⁹ Allied contributions in support of operations Desert Shield and Desert Storm: T-NSIAD-91-52 // U.S. Government Accountability Office. 31.07.1991. Available at: [https://www.gao.gov/products/t-nsiad-91-52#:~:text=GAO%20noted%20that%3A%20\(1\),about%20%2444.5%20billion%2C%20including%20%2439.1](https://www.gao.gov/products/t-nsiad-91-52#:~:text=GAO%20noted%20that%3A%20(1),about%20%2444.5%20billion%2C%20including%20%2439.1) (accessed: 15.04.2024).

³⁰ NATO: Out of area or out of business: A call for U.S. leadership to revive and redefine the alliance, August 2, 1993 // Digital Collections at Indiana University. Available at: <https://collections.libraries.indiana.edu/lugar/items/show/342> (accessed: 17.04.2024).

³¹ The Alliance's Strategic Concept. Approved by the heads of state and government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Washington, D.C., April 24, 1999 // North Atlantic Treaty Organization. 01.07.2022. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_27433.htm (accessed: 20.02.2024).

в формате глобальной контртеррористической коалиции, фактически проигнорировав активизацию их союзниками положений о коллективной обороне.

В еще большей степени тенденция к возрастанию значения неформальных коалиций нашла отражение в ходе войны в Ираке в 2003 г. Американские попытки убедить и Совет Безопасности ООН, и ряд союзников по НАТО в необходимости вторжения в эту страну оказались безуспешными. В условиях дипломатического противодействия ряда крупных игроков Вашингтон постарался легитимировать вторжение, добиваясь хотя бы символического выражения поддержки от любых государств, которые были чувствительны к его давлению и убеждению. Сформированная виртуальная группировка (значительная часть ее членов не принимали реального участия в операции, ограничившись дипломатическими декларациями) получила обозначение «коалиция желающих» [Богданов, 2019; Newnham, 2008]. Присоединившиеся государства мотивировали свое участие прежде всего желанием продемонстрировать политическую лояльность Соединенным Штатам.

С середины 2000-х годов Вашингтон начал прибегать к новой комбинированной модели мобилизации поддержки проводимых экспедиционных операций. Эта модель предполагала использование НАТО в качестве институционального ядра более широкой коалиции. По такому принципу были организованы Международные силы содействия безопасности (МССБ) в Афганистане, к которым перешла центральная роль в противоборстве с талибами после 2003 г. Североатлантический альянс играл в них лидирующую роль, но наряду с ним в афганском конфликте принимали участие партнеры из других стран (на 2013 г. в состав МССБ входили представители 49 государств)³².

Аналогичным образом была организована операция 2011 г. против Муаммара Каддафи в Ливии. Она проводилась под эгидой НАТО, но в ней принимали участие также ряд региональных партнеров (в частности, в составе коалиции активно действовал Катар). Между тем из числа государств — членов Североатлантического альянса

³² The UK's work in Afghanistan: Policy paper // GOV.UK. 14.01.2014. Available at: <https://www.gov.uk/government/publications/uks-work-in-afghanistan/the-uks-work-in-afghanistan> (accessed: 15.04.2024).

свои силы направили только шесть участников. В ходе борьбы против «ИГИЛ»³³ в Ираке и Сирии с 2014 г. Соединенные Штаты также сформировали специализированную коалицию, в которую вошли как союзники, так и государства, не связанные с Вашингтоном формальными обязательствами (НАТО официально поддержала эту миссию, но военно-штабные ресурсы организации мало привлекались к ней).

Опора на специализированные коалиции, создаваемые для проецирования силы в конкретной ситуации обусловлена, с одной стороны, потребностью в комбинации различных видов материальных и нематериальных ресурсов, а с другой — стремлением к большей гибкости по сравнению с задействованием формализованных объединений. В этой связи наблюдается расширение практик эмуляции американского опыта коалиционного строительства другими государствами.

В частности, осенью 2015 г. было объявлено о создании коалиции в составе Ирака, Сирии, Ирана и России (действует отдельно от объединения, возглавляемого США)³⁴. Она обеспечивала координацию вооруженных действий вовлеченных стран против исламистских группировок на территории Сирии и Ирака. Аналогичным образом в связи с обострением конфликта в Йемене весной 2015 г. Саудовская Аравия сформировала коалицию арабских государств (в которую также вошел Сенегал) для борьбы с шиитским движением хуситов. Последнее в свою очередь подозревают в связях с Ираном.

Такие подозрения обусловлены наличием обширной практики на Ближнем и Среднем Востоке по созданию асимметричных коалиций патронажного типа, в которые наряду с правительствами стран также входят негосударственные группировки и движения. Зачастую такого рода связи официально не закрепляются. Их распространение обусловлено слабостью государственности в этой части мира. В результате в ряде случаев функции официальных властей замещают местные племенные структуры, полевые командиры и объединения, мобилизующие конфессиональную солидарность.

³³Террористическая организация, запрещена на территории Российской Федерации.

³⁴Россия, Сирия, Иран и Ирак создали в Багдаде информцентр для борьбы с ИГ // ТАСС. 26.09.2015. Доступ: <https://tass.ru/politika/2293549> (дата обращения: 15.04.2024).

Они также способны вступать в продолжительные кооперативные связи с иностранными правительствами.

В частности, к сети, возглавляемой Тегераном, относят не только хуситов в Йемене, но и правительство Ирака, а также отдельные шиитские группировки в этой стране, официальные власти в Сирии, движение «Хезболла» в Ливане и ХАМАС в Палестине. Последнее объединяет преимущественно суннитов, что подтверждает скорее политический, а не религиозный характер коалиции. В свою очередь к противостоящему Ирану фронту арабских государств, формировавшемуся под руководством Саудовской Аравии в 2010-х годах, относили не только ряд исламистских группировок, но также Израиль. Несмотря на отсутствие взаимного дипломатического признания между Тель-Авивом и Эр-Риядом, оба правительства видели ключевую угрозу собственной безопасности в политике Тегерана, а значит, оказались в ситуативной неафишируемой коалиции³⁵.

Свою патронажную сеть в регионе сформировал и Катар, поддерживающий в том числе движение «Братья-мусульмане». По ряду направлений он действовал в связке с Турцией. Так, обе страны активно помогают Свободной сирийской армии и Правительству национального согласия в Триполи (имелись даже сообщения об их участии в переброске боевиков между Ливией и Сирией)³⁶. Аналогичным образом пакистанские военные на протяжении десятилетий сотрудничали с рядом группировок в Афганистане, в том числе с талибами. Богатый опыт вхождения в коалиции с местными силами имеют и Соединенные Штаты. В 2000-х годах в ходе оккупации Ирака они поддерживали местное суннитское объединение «Сыны Ирака», остатки которого впоследствии влились в состав «ИГИЛ». Во второй

³⁵ В 2023 г. Саудовская Аравия и Иран пошли на нормализацию отношений, что способствовало ослаблению тенденции к блоковому делению в регионе.

³⁶ Turkey and Qatar sign military cooperation deal with Libya government // Middle East Monitor. 18.08.2020. Available at: <https://www.middleeastmonitor.com/20200818-turkey-and-qatar-sign-military-cooperation-deal-with-libya-government/> (accessed: 14.04.2024); Khalid T. Turkey, Qatar recruit thousands of Somali mercenaries to fight in Libya: Report // Alarabiya News. 25.07.2020. Available at: <https://english.alarabiya.net/News/north-africa/2020/07/25/Turkey-Qatar-recruit-thousands-of-Somali-mercenaries-to-fight-in-Libya-Report> (accessed: 12.04.2024); Naar I. Turkey, Qatar agree to provide GNA mercenaries with Libyan citizenship: Sources // Alarabiya News. 19.08.2020. Available at: <https://english.alarabiya.net/News/north-africa/2020/08/19/Turkey-Qatar-agree-to-provide-GNA-mercenaries-with-Libyan-citizenship-Sources> (accessed: 15.04.2024).

половине 2010-х годов в рамках сирийского конфликта Вашингтон полагался на сотрудничество с рядом курдских группировок.

Несмотря на существенную асимметрию экономических и военных потенциалов во всех этих случаях, не стоит переоценивать зависимость младших партнеров от более крупных государств. Как и в иных видах кооперативных отношений между странами, в этих коалициях более слабые участники нередко способны манипулировать своими союзниками, эксплуатируя их ресурсные возможности в собственных целях [Keohane, 1971]. В результате возрастают риски увязания внешних игроков в локальных проблемах под влиянием других участников коалиции [Snyder, 1984].

Несмотря на то что с середины XX в. произошло закрепление национальных государств как доминирующей модели организации политического сообщества в мире, в тех регионах, где правительствам не удалось добиться монополии на организованное насилие, негосударственные патронажные сети сохраняют существенное значение. Без взаимодействия с ними и вхождения в коалиции с их представителями внешним игрокам практически невозможно обеспечить реализацию собственных интересов, тем более что регионы с ослабленной государственностью остаются объектами интенсивного соперничества крупных держав и источниками угроз их безопасности.

* * *

Рассмотренные тенденции эволюции союзничества в 1990–2010-х годах свидетельствуют об адаптации государствами форм и механизмов военно-политического взаимодействия как инструментов внешней политики к изменившимся реалиям в сфере международной безопасности. В этой связи анализ предваряется терминологическими прояснениями, касающимися, в частности, дифференциации понятий «альянс» и «коалиция». В качестве одной из существенных тенденций рассматриваемого периода констатируется снижение интереса к формализации союзничества между ведущими державами (на примере России и Китая), которые в эти годы в большей степени полагались на обеспечение сдерживания потенциальных противников возможностью нанесения неприемлемого ущерба. При этом в международно-политической практике закрепились альян-

сы между государствами с неравными ресурсными потенциалами (асимметричные союзы), которые стали средствами кодификации сфер влияния и обеспечения доминирования крупных игроков (США и их союзники в Европе, Латинской Америке и Азии), а также способом поддержания процессов государственностроительства (Россия и ее союзники по ОДКБ).

Анализ опыта союзнических отношений России, Китая, Индии и США позволил проследить в целом растущее уклонение ведущих держав от закрепления формальных обязательств по оказанию военной помощи партнерам в рассматриваемый период. Эта тенденция объясняется разными внешнеполитическими целями государств, стратегическими приоритетами, а также стремлением к сохранению свободы рук. Еще одной характерной чертой в повестке союзничества после холодной войны стало включение военно-политического компонента в процессы региональной интеграции. Кроме того, изменения коснулись и практической деятельности как формализованных, так и неформальных военно-политических объединений (экспедиционные операции, специализированные коалиции, асимметричные объединения патронажного типа).

Начало 2020-х годов отмечено резким ухудшением ситуации в сфере международной безопасности, связанным с ростом противоречий между ведущими государствами и стремительным накоплением кризисного потенциала. При этом наблюдаются объективные тенденции трансформации мирополитических процессов, сопряженные с высоким уровнем неопределенности и нестабильности в функционировании международной системы ввиду ее несбалансированности и неравновесности. В этой связи государства, по всей видимости, продолжают полагаться на комбинированные формы союзничества, соединяющие опору на уже созданную инфраструктуру альянсов и совершенствование неформального инструментария взаимодействия при решении вопросов безопасности.

Вместе с тем в повестку дня вернулась считавшаяся периферийной до недавнего времени задача обеспечения силового сдерживания в отношениях ведущих мировых держав как основополагающая функция военно-политических союзов. Так, страны — участницы НАТО усматривают в этом дополнительный стимул инвестирования в укрепление союзнических отношений. Между тем обозначи-

лись пределы возможностей Соединенных Штатов поддерживать широкую сеть альянсов в качестве инструмента глобального доминирования, за чем может последовать процесс инвентаризации Вашингтоном своих расходов на союзников и «сбрасывания» нецелесообразных «активов». В этом смысле не исключено переосмысление роли и значения асимметричных альянсов в стратегии США в долгосрочной перспективе, сохранение которых потребует тщательной калькуляции выгод и затрат.

При этом асимметричные альянсы останутся для ведущих держав преимущественно средством закрепления внешнеполитической ориентации малых и средних государств, особенно в условиях интенсификации политической и экономической конкуренции между центрами силы. В этой связи немаловажным элементом стратегического соперничества может быть борьба за лояльность последователей с помощью конструирования гибких форм преференциального сотрудничества в вопросах безопасности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богданов К.В. Время *ad hoc*? Гибкие коалиции и наследие Дональда Рамсфелда // Россия в глобальной политике. 2019. Т. 17. № 2. С. 32–45.
2. Громыко А.А. Дилеммы Европейского оборонного союза // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12. № 2. С. 6–28. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-2-6-28.
3. Журкин В.В., Носов М.Г. 20-летие военного измерения ЕС // Современная Европа. 2019. № 1 (86). С. 5–13. DOI: 0.15211/soveurope120190513.
4. Истомин И.А. Скажи мне — кто твой друг? Опыт и перспективы российского союзничества // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 6. С. 203–216. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-6-203-216.
5. Истомин И.А., Байков А.А. Динамика международных альянсов в неравновесной мировой системе // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 1. С. 34–48. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-1-34-48.
6. Истомин И.А., Силаев Н.Ю., Сушенцов А.А. Стратегии союзничества континентальных и морских держав // Международные процессы. 2018. Т. 16. № 4 (55). С. 42–62. DOI: 10.17994/IT.2018.16.4.55.3.
7. Киреева А.А. Будущность российско-китайского союзничества в контексте теории международных отношений // Международные процессы. 2019. Т. 17. № 4 (59). С. 84–114. DOI: 10.17994/IT.2019.17.4.59.6.
8. Никитина Ю.А. ОДКБ и ШОС: модели регионализма в сфере безопасности. М.: Навона, 2009.

9. Стратегии союзничества в современном мире: военно-дипломатический инструментальный международно-политической конкуренции / Под ред. И.А. Истомина [и др.]. М.: МГИМО-Университет, 2021.

10. Сучков М.А., Ходынская-Голенищева М.С. Сравнительный анализ российских стратегий союзничества на Ближнем Востоке // Сравнительная политика. 2021. Т. 12. № 1. С. 69–81. DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10006.

11. Acheson D. Present at the creation: My years in the State Department. New York; London: W.W. Norton & Company, 1987.

12. Bas M., Schub R. Mutual optimism as a cause of conflict: Secret alliances and conflict onset // International Studies Quarterly. 2016. Vol. 60. No. 3. P. 552–564. DOI: 10.1093/isq/sqw002.

13. Beckley M. The myth of entangling alliances: Reassessing the security risks of U.S. defense pacts // International Security. 2015. Vol. 39. No. 4. P. 7–48. DOI: 10.1162/ISEC_a_00197.

14. Carr E. The twenty years' crisis, 1919–1939: An introduction to the study of international relations. London: Macmillan, 1939.

15. Cha V.D. Powerplay: The origins of the American alliance system in Asia. Princeton: Princeton University Press, 2016.

16. Christensen T.J. China, the US-Japan alliance, and the security dilemma in East Asia // International Security. 1999. Vol. 23. No. 4. P. 49–80. DOI: 10.1162/isec.23.4.49.

17. Cottey A. NATO's partnerships // The European neutrals and NATO: Non-alignment, partnership, membership? / Ed. by A. Cottey. London: Palgrave Macmillan, 2018. P. 45–72.

18. Crescenzi M.J.C., Kathman J.D., Kleinberg K.B., Wood R.M. Reliability, reputation, and alliance formation // International Studies Quarterly. 2012. Vol. 56. No. 2. P. 259–274. DOI: 10.1111/j.1468-2478.2011.00711.x.

19. Fearon J.D. Rationalist explanations for war // International Organization. 1995. Vol. 49. No. 3. P. 379–414. DOI: 10.1017/S0020818300033324.

20. Ghez J. Alliances in the 21st century: Implications for the US-European partnership. Santa-Monica: RAND Corporation, 2011.

21. Gibler D.M. The costs of renegeing: Reputation and alliance formation // Journal of Conflict Resolution. 2008. Vol. 52. No. 3. P. 426–454. DOI: 10.1177/0022002707310003.

22. Ironclad: Forging a new future for America's alliance / Ed. by M.J. Green. Lanham: Rowman & Littlefield, 2019.

23. Karlsrud J., Reykers Y. Ad hoc coalitions and institutional exploitation in international security: Towards a typology // Third World Quarterly. 2020. Vol. 41. No. 9. P. 1518–1536. DOI: 10.1080/01436597.2020.1763171.

24. Keohane R.O. The big influence of small allies // Foreign Policy. 1971. No. 2. P. 161–182. DOI: 10.2307/1147864.

25. Leeds B.A. Alliance reliability in times of war: Explaining state decisions to violate treaties // *International Organization*. 2003. Vol. 57. No. 4. P. 801–827. DOI: 10.1017/S0020818303574057.
26. Leeds B.A., Long A.G., Mitchell S.M. Reevaluating alliance reliability: Specific threats, specific promises // *The Journal of Conflict Resolution*. 2000. Vol. 44. No. 5. P. 686–699. DOI: 10.1177/0022002700044005006.
27. Leeds B.A., Ritter J., Mitchell S.M., Long A.G. Alliance treaty obligations and provisions, 1815–1944 // *International Interactions*. 2002. Vol. 28. No. 3. P. 237–260. DOI: 10.1080/03050620213653.
28. Liska G. *Nations in alliance: The limits of interdependence*. Baltimore: Johns Hopkins Press, 1962.
29. Morgenthau H.J. *Politics among nations: The struggle for power and peace*. New York: Knopf, 1948.
30. Morrow J.D. Alliances and asymmetry: An alternative to the capability aggregation model of alliances // *American Journal of Political Science*. 1991. Vol. 35. No. 4. P. 904–933. DOI: 10.2307/2111499.
31. Mueller J. *Retreat from doomsday: The obsolescence of major war*. New York: Basic Books, 1989.
32. Newnham R. ‘Coalition of the bribed and bullied?’ U.S. economic linkage and the Iraq War coalition // *International Studies Perspectives*. 2008. Vol. 9. No. 2. P. 183–200. DOI: 10.1111/j.1528-3585.2008.00326.x.
33. Nga L.T.H., Hiep T.X., Thuy D.T., Huyen H.L. India–Bhutan treaties of 1949 and 2007: A retrospect // *India Quarterly: A Journal of International Affairs*. 2019. Vol. 75. No. 4. P. 441–455. DOI: 10.1177/0974928419874547.
34. Osgood R.E. *Alliances and American foreign policy*. Baltimore: Johns Hopkins Press, 1968.
35. Pierre A.J. *Coalitions building and maintenance: The Gulf War, Kosovo, Afghanistan, and the war on terrorism*. Washington, D.C.: Georgetown University, Institute for the Study of Diplomacy, 2002.
36. Pinker S. *The better angels of our nature: The decline of violence in history and its causes*. London: Penguin, 2011.
37. Rice A.J. Command and control: The essence of coalition warfare // *Parameters*. 1997. Vol. 27. No. 1. P. 152–167.
38. Ruonan L., Feng L. Contending ideas on China’s non-alliance strategy // *The Chinese Journal of International Politics*. 2017. Vol. 10. No. 2. P. 151–171. DOI: 10.1093/cjip/pox003.
39. Smith A. Alliance formation and war // *International Studies Quarterly*. 1995. Vol. 39. No. 4. P. 405–425. DOI: 10.2307/2600800.
40. Snyder G.H. *Alliance politics*. Ithaca; London: Cornell University Press, 2007.

41. Snyder G.H. The security dilemma in alliance politics // *World Politics*. 1984. Vol. 36. No. 4. P. 461–495. DOI: 10.2307/2010183.
42. Snyder G.H., Diesing P. *Conflict among nations: Bargaining, decision making, and system structure in international crises*. Princeton: Princeton University Press, 2015.
43. Walt S.M. *The origins of alliance*. Ithaca; London: Cornell University Press, 1990.
44. Walt S.M. Why alliances endure or collapse // *Survival*. 1997. Vol. 39. No. 1. P. 156–179. DOI: 10.1080/00396339708442901.
45. Waltz K.N. *Theory of international politics*. Reading: Addison-Wesley Publishing Company, 1979.
46. Weitsman P.A. Wartime alliances versus coalition warfare: How institutional structure matters in the multilateral prosecution of wars // *Strategic Studies Quarterly*. 2010. Vol. 4. No. 2. P. 113–138.
47. Wilkins T.S. 'Alignment', not 'alliance' — the shifting paradigm of international security cooperation: Toward a conceptual taxonomy of alignment // *Review of International Studies*. 2012. Vol. 38. No. 1. P. 53–76. DOI: 10.1017/S0260210511000209.
48. Wilkins T.S. From strategic partnership to strategic alliance? Australia-Japan security ties and the Asia-Pacific // *Asia Policy*. 2015. Vol. 20. No. 1. P. 81–111. DOI: 10.1353/asp.2015.0028.
49. Wilkins T.S. Japan's alliance diversification: A comparative analysis of the Indian and Australian strategic partnerships // *International Relations of the Asia-Pacific*. 2011. Vol. 11. No. 1. P. 115–155. DOI: 10.1093/irap/lcq022.
50. Wilkins T.S. Russo-Chinese strategic partnership: A new form of security cooperation? // *Contemporary Security Policy*. 2008. Vol. 29. No. 2. P. 358–383. DOI: 10.1080/13523260802284365.
51. Womack B. *Asymmetry and international relationships*. New York: Cambridge University Press, 2016.

REFERENCES

1. Bogdanov K.V. 2019. Vremya ad hoc? Gibkie koalitsii i nasledie Donalda Ramsfelda [Time for ad hoc? Flexible coalitions and the heritage of Donald Rumsfeld]. *Russia in Global Affairs*, vol. 17, no. 2, pp. 32–45. (In Russ.)
2. Gromyko A.A. 2019. Dilemma Evropejskogo oboronnoogo soyuza [Dilemmas of European defense alliance]. *Contours of Global Transformations: Politics, Economy, Law*, vol. 12, no. 2, pp. 6–28. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-2-6-28. (In Russ.)
3. Zhurkin V.V., Nosov M.G. 2019. 20-letie voennogo izmereniya ES [20 years of the military dimension of the EU]. *Modern Europe*, no. 1 (86), pp. 5–13. DOI: 0.15211/soveurope120190513. (In Russ.)

4. Istomin I.A. 2023. Skazhi mne — kto tvoï drug? Opyt i perspektivy rossiiskogo soyuznichestva [Historical record and prospects of Russia's alliances]. *Russia in Global Affairs*, vol. 21, no. 6, pp. 203–216. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-6-203-216. (In Russ.)

5. Istomin I.A., Baikov A.A. 2019. Dinamika mezhdunarodnykh al'yansov v neravnovesnoi mirovoi sisteme [Dynamics of international alliances in an unbalanced world structure]. *World Economy and International Relations*, vol. 63, no. 1, pp. 34–48. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-1-34-48. (In Russ.)

6. Istomin I.A., Silaev N.Yu., Sushentsov A.A. 2018. Strategii soyuznichestva kontinental'nykh i morskikh derzhav [Strategies of alliances of continental and sea powers]. *International Trends*, vol. 16, no. 4 (55), pp. 42–62. DOI: 10.17994/IT.2018.16.4.55.3. (In Russ.)

7. Kireeva A.A. 2019. Budushchnost' rossiisko-kitaiskogo soyuznichestva v kontekste teorii mezhdunarodnykh otnoshenii [Theories of international relations and prospects of a military alliance between Russia and China]. *International Trends*, vol. 17, no. 4 (59), pp. 84–114. DOI: 10.17994/IT.2019.17.4.59.6. (In Russ.)

8. Nikitina Yu.A. 2009. *ODKB i ShOS: modeli regionalizma v sfere bezopasnosti* [The CSTO and the SCO: Regionalism models in the security area]. Moscow, Navona Publ. (In Russ.)

9. Istomin I.A. et al. (eds.). 2021. *Strategii soyuznichestva v sovremennom mire: voenno-diplomaticheskii instrumentarii mezhdunarodno-politicheskoi konkurentsii* [Strategies of alliance building in the modern world: Military and diplomatic tools of international political contest]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ. (In Russ.)

10. Suchkov M.A., Khodynskaya-Golenishcheva M.S. 2021. Sravnitel'nyi analiz rossiiskikh strategii soyuznichestva na Blizhnem Vostoke [Comparative analysis of Russia's alliance-formation strategies in the Middle East]. *Comparative Politics Russia*, vol. 12, no. 1, pp. 69–81. DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10006. (In Russ.)

11. Acheson D. 1987. *Present at the creation: My years in the State Department*. New York, London, W.W. Norton & Company.

12. Bas M., Schub R. 2016. Mutual optimism as a cause of conflict: Secret alliances and conflict onset. *International Studies Quarterly*, vol. 60, no. 3, pp. 552–564. DOI: 10.1093/isq/sqw002.

13. Beckley M. 2015. The myth of entangling alliances: Reassessing the security risks of U.S. defense pacts. *International Security*, vol. 39, no. 4, pp. 7–48. DOI: 10.1162/ISEC_a_00197.

14. Carr E. 1939. *The twenty years' crisis, 1919–1939: An introduction to the study of international relations*. London, Macmillan.

15. Cha V.D. 2016. *Powerplay: The origins of the American alliance system in Asia*. Princeton, Princeton University Press.

16. Christensen T.J. 1999. China, the US-Japan alliance, and the security dilemma in East Asia. *International Security*, vol. 23, no. 4, pp. 49–80. DOI: 10.1162/isec.23.4.49.

17. Cottey A. 2018. NATO's partnerships. In: Cottey A. (ed.). *The European neutrals and NATO: Non-alignment, partnership, membership?* London, Palgrave Macmillan, pp. 45–72.

18. Crescenzi M.J.C., Kathman J.D., Kleinberg K.B., Wood R.M. 2012. Reliability, reputation, and alliance formation. *International Studies Quarterly*, vol. 56, no. 2, pp. 259–274. DOI: 10.1111/j.1468-2478.2011.00711.x.

19. Fearon J.D. 1995. Rationalist explanations for war. *International Organization*, vol. 49, no. 3, pp. 379–414. DOI: 10.1017/S0020818300033324.

20. Ghez J. 2011. *Alliances in the 21st century: Implications for the US-European partnership*. Santa-Monica, RAND Corporation.

21. Gibler D.M. 2008. The costs of renegeing: Reputation and alliance formation. *Journal of Conflict Resolution*, vol. 52, no. 3, pp. 426–454. DOI: 10.1177/0022002707310003.

22. Green M.J. (ed.). 2019. *Ironclad: Forging a new future for America's alliance*. Lanham, Rowman & Littlefield.

23. Karlsrud J., Reykers Y. 2020. Ad hoc coalitions and institutional exploitation in international security: Towards a typology. *Third World Quarterly*, vol. 41, no. 9, pp. 1518–1536. DOI: 10.1080/01436597.2020.1763171.

24. Keohane R.O. 1971. The big influence of small allies. *Foreign Policy*, no. 2, pp. 161–182. DOI: 10.2307/1147864.

25. Leeds B.A. 2003. Alliance reliability in times of war: Explaining state decisions to violate treaties. *International Organization*, vol. 57, no. 4, pp. 801–827. DOI: 10.1017/S0020818303574057.

26. Leeds B.A., Long A.G., Mitchell S.M. 2000. Reevaluating alliance reliability: Specific threats, specific promises. *The Journal of Conflict Resolution*, vol. 44, no. 5, pp. 686–699. DOI: 10.1177/0022002700044005006.

27. Leeds B.A., Ritter J., Mitchell S.M., Long A.G. 2002. Alliance treaty obligations and provisions, 1815–1944. *International Interactions*, vol. 28, no. 3, pp. 237–260. DOI: 10.1080/03050620213653.

28. Liska G. 1962. *Nations in alliance: The limits of interdependence*. Baltimore, Johns Hopkins Press.

29. Morgenthau H.J. 1948. *Politics among nations: The struggle for power and peace*. New York, Knopf.

30. Morrow J.D. 1991. Alliances and asymmetry: An alternative to the capability aggregation model of alliances. *American Journal of Political Science*, vol. 35, no. 4, pp. 904–933. DOI: 10.2307/2111499.

31. Mueller J. 1989. *Retreat from doomsday: The obsolescence of major war*. New York, Basic Books.

32. Newnham R. 2008. 'Coalition of the bribed and bullied?' U.S. economic linkage and the Iraq War coalition. *International Studies Perspectives*, vol. 9, no. 2, pp. 183–200. DOI: 10.1111/j.1528-3585.2008.00326.x.

33. Nga L.T.H., Hiep T.X., Thuy D.T., Huyen H.L. 2019. India-Bhutan treaties of 1949 and 2007: A retrospect. *India Quarterly: A Journal of International Affairs*, vol. 75, no. 4, pp. 441–455. DOI: 10.1177/0974928419874547.

34. Osgood R.E. 1968. *Alliances and American foreign policy*. Baltimore, Johns Hopkins Press.

35. Pierre A.J. 2002. *Coalitions building and maintenance: The Gulf War, Kosovo, Afghanistan, and the war on terrorism*. Washington, D.C., Georgetown University, Institute for the Study of Diplomacy.

36. Pinker S. 2011. *The better angels of our nature: The decline of violence in history and its causes*. London, Penguin.

37. Rice A.J. 1997. Command and control: The essence of coalition warfare. *Parameters*, vol. 27, no. 1, pp. 152–167.

38. Ruonan L., Feng L. 2017. Contending ideas on China's non-alliance strategy. *The Chinese Journal of International Politics*, vol. 10, no. 2, pp. 151–171. DOI: 10.1093/cjip/pox003.

39. Smith A. 1995. Alliance formation and war. *International Studies Quarterly*, vol. 39, no. 4, pp. 405–425. DOI: 10.2307/2600800.

40. Snyder G.H. 2007. *Alliance politics*. Ithaca, London, Cornell University Press.

41. Snyder G.H. 1984. The security dilemma in alliance politics. *World Politics*, vol. 36, no. 4, pp. 461–495. DOI: 10.2307/2010183.

42. Snyder G.H., Diesing P. 2015. *Conflict among nations: Bargaining, decision making, and system structure in international crises*. Princeton, Princeton University Press.

43. Walt S.M. 1990. *The origins of alliance*. Ithaca, London, Cornell University Press.

44. Walt S.M. 1997. Why alliances endure or collapse. *Survival*, vol. 39, no. 1, pp. 156–179. DOI: 10.1080/00396339708442901.

45. Waltz K.N. 1979. *Theory of International Politics*. Reading, Addison-Wesley Publishing Company.

46. Weitsman P.A. 2010. Wartime alliances versus coalition warfare: How institutional structure matters in the multilateral prosecution of wars. *Strategic Studies Quarterly*, vol. 4, no. 2, pp. 113–138.

47. Wilkins T.S. 2012. 'Alignment', not 'alliance' — the shifting paradigm of international security cooperation: Toward a conceptual taxonomy of align-

ment. *Review of International Studies*, vol. 38, no. 1, pp. 53–76. DOI: 10.1017/S0260210511000209.

48. Wilkins T.S. 2015. From strategic partnership to strategic alliance? Australia-Japan security ties and the Asia-Pacific. *Asia Policy*, vol. 20, no. 1, pp. 81–111. DOI: 10.1353/asp.2015.0028.

49. Wilkins T.S. 2011. Japan's alliance diversification: A comparative analysis of the Indian and Australian strategic partnerships. *International Relations of the Asia-Pacific*, vol. 11, no. 1, pp. 115–155. DOI: 10.1093/irap/lcq022.

50. Wilkins T.S. 2008. Russo-Chinese strategic partnership: A new form of security cooperation? *Contemporary Security Policy*, vol. 29, no. 2, pp. 358–383. DOI: 10.1080/13523260802284365.

51. Womack B. 2016. *Asymmetry and international relationships*. New York, Cambridge University Press.

Статья поступила в редакцию 13.03.2024; одобрена после рецензирования 23.04.2024; принята к публикации 21.05.2024

The paper was submitted 13.03.2024; approved after reviewing 23.04.2024; accepted for publication 21.05.2024